

ОСТАЁТСЯ ДОБАВИТЬ НЕМНОГОЕ

Павел Тюрин в «Рижском альманахе», Владимир Ивин в «Православии в Латвии», учёный Алексей Дунаев в Интернете подробно рассказали о работе Павла Тихомирова по изданию, редактированию и распространению религиозной литературы. Владимир Френкель и Любовь Друктейне живо и эмоционально написали воспоминания о годах юности своего друга и об его отношении к друзьям. Мне остаётся добавить лишь немногое.

Сам Павел был очень немногословным, терпеть не мог сплетен и пересудов. Как-то я на кухне пересказывала маме содержание очерка, напечатанного в «Новом мире». Павел вошёл и, не рассыпав, что речь идёт о художественном произведении, спросил: «О ком ты там судачишь?»

Не был он и сентиментальным, не говорил красивых слов, он только как-то мне сказал:

«Ты за мной, как за каменной стеной!» И он был прав. Меня спрашивают: «Кем был для меня Павел?» На этот вопрос трудно ответить. В последние годы, наверно, правильнее всего было бы ответить: «Он был для меня всем!» Я всегда так нуждалась в поддержке.

В 1968 году я вернулась из Москвы в Ригу после недолгого и несчастного брака. Поступила на работу в библиотеку в Мангали. Там познакомилась с коллегой, образованной женщиной, прекрасно знающей литературу, не боявшейся публично опровергать или высмеивать официальную советскую пропаганду. Моя сотрудница была старше меня на 18 лет, но своей душевной молодостью превосходила и меня, и других своих молодых коллег. После развода я чувствовала себя очень одинокой и была счастлива дружбой с Б.А. Как-то она между делом упомянула, что к ним в гости иногда заходит молодой человек с бородой, верующий, православный; может быть, мне было бы интересно с ним познакомиться. Я была удивлена. Среди моих знакомых и знакомых моих подруг, во всём моём окружении верующих молодых людей не было. Даже дети друзей моих родителей полностью отошли от церкви. Потом Б.А. сказала, тоже мимоходом, что Павлик женился в Ленинграде, но, что брак, к сожалению, оказался кратковременным и неудачным.

В июле 1975 года Б.А. приглашает меня в гости, говорит, что у неё есть ко мне дело. Оказалось, что Павел хочет познакомить меня со своими друзьями. До этого мы с ним несколько раз виделись, я чувствую к нему глубокое почтение. Даже его внешний облик свидетельствует о независимости характера, о мужестве. Теперь и девушки и юноши могут выйти на улицу одетыми самым экстравагантным образом, с любой причёской, не говоря уже о татуировках и пирсинге. Никто уже не обращает на это никакого внимания. В годы нашей молодости «общественность», с лёгкой руки официальной прессы, нередко косо смотрела, а то и осуждала не только чрезмерное увлечение западной модой, но и полное пренебрежение ею. Павел рассказывал, что в 60-е годы вид молодого человека с бородой был настолько необычен, что дети иногда хихикали и показывали на него пальцем, а старушки нередко громко возмущались. Павел не обижался, а удивлялся: многие из этих бабушек были родом из деревни, их отцы и деды, наверно, носили бороду.

Павел был уже студентом Политехнического института, на строительном факультете, когда его призвали в армию, в стройбат. Всю часть отправили в Ташкент восстанавливать город после землетрясения. Павел работал по специальности и принимал участие в важном и нужном деле.

На работе и знакомые часто спрашивали меня про моего мужа: «Почему он такой чёрный?», имея в виду, кто он по национальности. Он только улыбался этому любопытству. А происходил Павел из смешанной семьи: мать латышка, бабушка по отцу – немка с примесью ливской крови, дедушка по отцу – русский.

Что было в характере Павла самым главным? Мне кажется, тут можно вспомнить слова поэта о том, что «душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь». Главным для него был духовный рост души, её стремление к христианской жизни. Для некоторых его друзей, выросших в советских, нередко атеистически настроенных семьях, этот путь был куда трудней. Для иных был даже мучителен, государство подвергало их репрессиям, как, например, поэта Владимира Френкеля и художника Сандра Ригу. Но ведь Узкий Путь во всех его видах не может быть простым ни для кого. Не был он лёгким и для Павла: от природы характер у него был сильным, независимым, негибаемым, нетерпимым ко всему, что казалось ему несправедливостью. Даже в

школьной характеристике учителя не забыли написать, что ученик «любит спорить со старшими». Но впоследствии его отношение как раз к старым людям было очень почтительным и добрым, он охотно им помогал.

Павел рассказывал мне, как в 16 лет по-настоящему пришёл к вере. Это произошло после знакомства с учёным – старообрядцем Иваном Никифоровичем Заволоко. До этого мальчик ходил в церковь из чувства долга, чтобы не обидеть своих родных, особенно – дедушку.

Большое влияние окказал на Павла священник отец Виктор Мамонтов. Борис Пастернак писал о художнике: «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой». Эти слова можно сказать и про Павла.

«Я живу так, словно советской власти нет», – любил говорить Павел.

В юности с ним произошел однажды такой случай. Он сидел в кафе, вдруг туда вбегает какая-то девушка и быстро говорит: «Милиция! Уходите! Сейчас будет обыск!» Многие поспешили удалиться, но Павел остался, решив, что он ничего плохого не делает и что бояться ему нечего. А ведь девушка была права. Милиционер заглянул в портфель «подозрительного» юноши, обнаружил там копии религиозной книги, конфисковал их. Так Павел оказался «на учёте» в «угловом доме». Тем не менее, он продолжал делать ксерокопии с религиозных книг, переплекать их и давать читать желающим. Об этом рассказал Владимир Александрович Ивин.

«Самый лучший отдых – это работа», – часто повторял Павел. И, действительно, чем бы он ни занимался, он всегда вкладывал в это дело всю свою душу. После окончания строительного факультета Павел стал работать в Академии, в Институте механики полимеров, и поступил в аспирантуру. «Мне даже неудобно об этом говорить, но я так люблю занятия наукой», – сказал он как-то. Павел Тюрин вспоминает, что его друг интересовался лишь работой, но это не так. Во время Перестройки, узнав, что Юрий Андреевич Бордуков решил заняться изданием православных книг, Павел пошёл к нему и попросил: «Примите меня к себе на работу». И вот тут-то, полностью посвятив себя, теперь уже официально, любимому делу, он постепенно стал настоящим трудоголиком. Стал приходить с работы поздно. Я шутила, что он любит меня немного меньше, чем свои книги. И когда мой муж умер, мне долго продолжало казаться, что он ещё придёт. А

раньше он любил классическую музыку, искусство, хорошие фильмы. Мы с ним ходили на концерты, в кино, на выставки в музеи.

В юности по просьбе Ивана Никифоровича Заволоко Павел совершил поездку в Забайкалье, в старообрядческую общину. Однажды вдруг отправился в Сухуми – поработать и посмотреть новый для него мир. Рассказывали, что под Сухуми в горах живут монахи.

Часто ездил в Москву, посещал там друзей и знакомых, бывал в музеях, особенно любил Музей имени Андрея Рублёва – Андроников монастырь.

Павел любил приглашать на Рождество и на свои именины друзей, всегда старался мне помочь их принять – покупал и приносил продукты, что в советское время иной раз было нелегко. Как-то перед Новым Годом начались перебои с мясом, появился анекдот, что Римский папа поблагодарил Брежнева за блестящую организацию поста. Одна знакомая сокрушилась: «Если не достану мяса, не будем праздновать Рождество». Павел возмутился: «Как это – не праздновать Рождество? Нет мяса? Тогда надо подать на стол просто чай с печеньем, и праздник – будет!» Павел любил хорошее застолье, но, если бы мы не смогли достать каких-нибудь продуктов, не делал бы из этого драму, и праздник всё равно бы состоялся. Два раза в год – на Рождество и на свои именины – Павел приглашал всех своих друзей и знакомых в гости. Мы жили тогда в Межапарке, и именинное застолье происходило в саду. Кроме одного раза, всегда погода была хорошей. Павел очень старался, чтобы все чувствовали себя хорошо, он помогал мне чистить картошку, а на Рождество варил по всем правилам глинтвейн. С садом связано ещё одно, сейчас кажущееся идиллическим, воспоминание. Надо собрать яблоки, а яблоня высокая и старая. Но муж смело лезет на дерево, а за ним – оба наших кота – рыжий и бежевый, и вся тройка сидит наверху.

Павел любил красоту – прекрасно разбирался в искусстве, знал его историю, очень любил иконопись, часто ходил на концерты классической музыки. Он давал мне читать книги об иконах и средневековом искусстве, старался их покупать, что в те годы было нелегко. Первый год нашей совместной жизни я наслаждалась этим миром красоты, ища в книжном шкафу и разглядывая эти альбомы. Я работала в Государственной библиотеке Латвии, и Павел нередко напоминал мне, что я что-то давно не приносила хотя бы на вечер красивую книгу

или энциклопедию по искусству. Это уже потом, работая в Филокалии, муж стал говорить мне, что у него самого в магазине теперь много красивых книг и больше с такими просьбами не обращался. В одно из самых первых свиданий мне нужно было пойти на базар, должны были прийти гости. К моему удивлению, Павел вызвался меня проводить и сказал, что летний базар с его обилием овощей, фруктов и цветов может доставить большое эстетическое удовольствие.

Знания Павла в области истории религии, искусства были глубокими и обширными. Однажды ко мне в библиотеку пришли читатели, искавшие изображение мало известного святого, в наших энциклопедиях и справочниках его не было. Я позвонила мужу на работу, он сразу сказал, где можно это изображение найти, предложил нашим читателям зайти к нему и обещал сделать для них копию. И это был далеко не единственный случай такой помощи в поисках какой-нибудь редкости для читателей.

Казалось, у Павла неистощимый запас сил и желания делать добро, жить, работать, любить. Как-то он стал ежедневно навещать в больнице одного своего знакомого – человека старшего поколения –, который лежал в больнице, не вставая с постели. У его жены было болезнь сердце, и она помочь не могла. Никто из соседей больного по палате не верил, что Павел не является его близким родственником. Больной был в тяжёлом состоянии, и его младший друг приходил домой угнетённым; потом вижу – муж повеселел: больной неожиданно встал, начал сам ходить и полноценно прожил ещё несколько лет.

Долгие годы Павел заботится о бывшем артисте, ставшем инвалидом после инсульта. Это только отдельные примеры. Многие люди нередко искали у Павла как физической помощи, так и моральной поддержки, и он, если мог, всегда помогал.

Павел ухаживал за Иваном Никифоровичем Заволоко, известным в Риге учёным – старообрядцем в последние дни его жизни. Потом муж мне с огорчением говорил о допущенных им по неопытности ошибках и вдруг добавил: «Вот, если ты заболеешь, я буду знать, как за тобой правильно ухаживать».

Конечно, эти слова были сказаны очень давно, но я всегда верила, что он будет со мной до самого конца. Даже во время его последней болезни, когда после Рождества его на неделю второй раз положили в больницу, и врачам удалось несколько улучшить его самочувствие,

я, навещая мужа, чувствовала, что ему легче, что у него на душе мир, и испытывала чувство тихой, светлой радости и робкой надежды, что он какое-то время еще побудет со мной. Мы ехали из больницы, Павел отказался взять такси, сказал, что может идти пешком. Был час пик, и троллейбус был переполнен. Вдруг освободилось одно место, я сказала ему: «Садись, ты же из больницы», но он категорически отказался, предложил сесть мне, только поставил портфель мне на колени.

Павел знал о своём диагнозе – раке лёгких, силы слабели, но больной стремился продолжать заниматься любимым делом. Спасибо Сергею Бордукову, взявшемуся подвозить на машине своего сотрудника к месту работы. В субботу 21 января 2012 года Павел, чувствуя большую слабость, вызвал скорую помощь. В больнице мой муж не проявлял раздражительности и нервности, как это нередко бывает с сильными и энергичными людьми, ставшими вдруг беспомощными и слабыми. 23 января Павла перенесли из одной палаты в другую уже на носилках. Я помогала переносить вещи. Но ум и память больного оставались ясными. Вдруг Павел напомнил: «Не забудь завтра пойти на лекцию»: один наш знакомый должен был рассказывать об итальянском искусстве. Больному дали кислородную маску. Прощальные слова его, обращённые ко мне, были: «А теперь иди отдыхать».